

Трей-лист

1. Blood In The Cut — K. Flay
2. Someone You Loved — Lewis Capaldi
3. Satin Birds — Abel Korzeniowski
4. Earned It — The Weeknd
5. Company — Tinashe
6. Bad Intentions — Niykee Heaton
7. War of Hearts — Ruelle
8. As Shadows Fall — Peter Gundry
9. Latch (acoustic) — Sam Smith
10. Castle — Halsey
11. Monsters — Ruelle

Мико

Варшава, Польша.

Десять лет назад

По пути с работы я останавливаюсь, чтобы купить немного свежих *chruścików* для Анны. «Ангельские крылья», сладости из яйца и сливок, посыпанные сахарной пудрой, оставляют пятна жира на бумажной упаковке. Сегодня сестра сдает вступительный экзамен в университете, и я знаю наверняка, что нам будет что отпраздновать. Анна великолепна. Я уверен, что она получит высшую оценку.

По нам и не скажешь, что мы близнецы. У нее каштановые волосы, а мои — цвета спелой пшеницы. Она проглатывает любую книгу, что попадает ей в руки, а я бросил школу в четырнадцать.

Не то чтобы у меня был выбор. Кто-то должен оплачивать нашу унылую квартиру.

У нашего отца была хорошая работа на металлургическом заводе «Хута Варшава». Он был техником по ремонту и обслуживанию оборудования и ежемесячно приносил домой почти шесть тысяч злотых. Достаточно, чтобы купить новую обувь и наполнить холодильник.

Пока его не сварили, как лобстера в кастрюле, во время работы в доменной печи. Отец не погиб. Но получил такие тяжелые ожоги, что теперь едва может управляться с кнопками на пульте от телевизора, который смотрит все дни напролет, укрывшись в своей комнате.

Наша мать ушла из семьи. Я слышал, что она вышла замуж за какого-то бухгалтера и переехала в Краков. С тех пор я о ней ничего не знаю.

Но это не важно. Пока я достаточно зарабатываю в продуктовом, чтобы держать нас на плаву. Когда-нибудь Анна станет профессором литературы, и тогда мы купим небольшой домик где-нибудь подальше отсюда.

Мы всю жизнь живем в районе Прага¹, на правом берегу реки Вислы. На противоположном берегу расположились процветающие бизнес- и финансовые центры. У нас — трущобы. Высокие прямоугольные грязные кирпичные здания, заслоняющие собой солнце. Пустые фабрики времен коммунизма, составлявшие когда-то центр государственной промышленности, а теперь зияющие разбитыми

¹ Praga (*польск.*) — исторический район Варшавы, расположенный на восточном берегу р. Вислы.

окнами и закрытые на цепи. Наркоманы вламываются туда, чтобы поспать на гудах тряпья и расслабиться.

У нас с Анной будет хорошенький дом с садом, где не будет соседей, которые трахаются и вопят всю ночь напролет.

Сестра должна быть дома не раньше чем через пару часов, поэтому, открывая дверь в нашу квартиру, я никак не ожидаю увидеть на полу ее рюкзак.

Анна чертовски аккуратна. Она ни за что не бросит сумку, раскидав учебники по полу. Некоторые из них грязные и мокрые. То же касается ее обуви, брошенной возле ранца.

В ванной течет вода, что тоже странно — по вечерам Анна не принимает душ.

Я оставляю пакет с хворостом на кухонном столе и бегу в нашу единственную ванную комнату. Стучу в дверь и зову сестру.

Ответа нет.

Тогда я прижимаю ухо к двери и слышу сквозь шум воды ее всхлипы.

Я бью плечом в дверь, слышу, как трескается дешевая древесина, когда замок поддается, и вваливаюсь в крошечную ванную.

Анна сидит под душем, все еще одетая в школьную форму. Блузка практически сорвана с тела. Тонкая материя облегает лишь руки и талию.

Она вся в порезах и рубцах — на плечах, руках и спине. Вокруг шеи и на груди виднеются темные синяки и даже следы укусов.

Лицо еще хуже. У сестры длинная рана на правой щеке и синяк под глазом. Кровь течет у нее из носа, капает в воду и расплывается, словно акварельная краска.

Анна не может на меня смотреть. Едва подняв взгляд, она тут же, всхлипывая, закрывает лицо руками.

— Кто сделал с тобой это? — дрожащим голосом требую я ответа.

Она сжимает губы и качает головой, не желая отвечать.

Неправда, что близнецы могут читать мысли друг друга. Но я знаю свою сестру. Знаю очень хорошо.

И я знаю, кто сделал это. Я вижу, как они смотрят на нее каждый раз, когда Анна выходит из дома по пути в школу. Как прислоняются к своим дорогим машинам, скрестив руки на груди, не в силах скрыть за солнцезащитными очками взгляды, которые они на нее бросают. Иногда они даже что-то кричат ей, хотя сестра никогда не достаивает их ответом.

Это дело рук «Братерства»¹. Польской мафии.

Они думают, что могут иметь все, что захотят — дорогие часы, золотые цепи, телефоны, которые стоят больше моей месячной зарплаты. Похоже, на этот раз они решили, что хотят мою сестру.

Анна не хочет говорить мне, опасаясь того, что последует за ответом.

¹ Braterstwo (польск.) — братство.

Я хватаю ее за плечо и заставляю посмотреть на меня. Ее глаза красные, опухшие, испуганные.

— Который из них сделал это? — вырывается из меня яростное шипение. — Тот, что с бритой башкой?

Она колеблется, затем кивает.

— Тот, что с темной бородой?

Снова кивает.

— Тот, что в кожаной куртке?

Ее лицо морщится.

Это их главарь. Я видел, что остальные подчиняются ему. Я видел, что он чаще других смотрит на Анну.

— Я доберусь до них, Анна. Никто не уйдет от расплаты, — обещаю я.

Анна качает головой, тихие слезы катятся по ее разбитому лицу.

— Нет, Мико, — всхлипывает она. — Они убьют тебя.

— Не убьют, если я достану их первым, — мрачно отвечаю я.

Я оставляю ее в ванной и иду в свою комнату. Там я приподнимаю половицу, под которой прячется жестяной ящик. В нем все мои сбережения — деньги, отложенные Анне на университет. Она пропустила экзамен. Она не поступит в этом году.

Я складываю купюры и засовываю их в карман. Затем выхожу из квартиры и бегу под дождем к ломбарду на улице Бжеской.

Якуб, как всегда, сидит за прилавком, читая книгу в мягком переплете с наполовину оторванной обложкой. Сутулый, лысеющий, в очках с толстыми стеклами и в широкой пластиковой оправе, Якуб моргает, глядя на меня, словно сова, проснувшаяся слишком рано.

— Чем могу помочь, Миколай? — спрашивает он скрипучим голосом.

— Мне нужен пистолет, — сообщаю я.

Он издает хриплый смешок.

— Это было бы противозаконно, мой мальчик. Может, лучше гитару или Хьох?

Я бросаю на его прилавок пачку банкнот.

— Харэ ломаться, — говорю я. — Показывай, что у тебя есть.

Якуб смотрит на деньги, не прикасаясь к ним. Затем, пару мгновений спустя, выходит из-за прилавка, направляется шаркающей походкой к входной двери и закрывает ее на защелку. Затем шаркает вглубь магазина.

— Сюда, — не оборачиваясь, говорит он.

Я иду за ним в заднюю часть магазина. Здесь живет барыга — я вижу старый прохудившийся диван с торчащей из дыр набивкой. Квадратный телевизор. Крохотную кухню с плитой, пропахшую подгоревшим кофе и сигаретами.

Якуб ведет меня к комоду и выдвигает верхний ящик, открывая небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

— Который тебе? — спрашивает он.

Я ничего не смыслю в пистолетах. В жизни не держал в руках оружия.

Я смотрю на эту кучу огнестрела: что-то из карбона, что-то из стали, что-то гладкое, что-то выдавшее виды.

Мне бросается в глаза черный пистолет среднего размера, современный и простой на вид. Он напоминает мне оружие Джеймса Бонда. Я беру его, удивляясь тяжести в руке.

— Это «Глок», — поясняет Якуб.

— Знаю, — отвечаю я, хотя на самом деле не имею ни малейшего понятия.

— 45-й калибр. Патроны понадобятся? — уточняет он.

— И нож, — добавляю я.

Я вижу, что его это забавляет. Старикан думает, что я решил поиграть в командос. Да плевать — мне и не нужно, чтобы он воспринимал меня всерьез. Мне не нужно, чтобы он решил кого-то предупредить.

Якуб дает мне боевой нож в полимерных ножнах и словно ребенку демонстрирует, как братья за ножны, чтобы вытащить клинок.

Он не спрашивает, зачем мне оружие. И не дает сдачу.

Я прячу свои приобретения под одежду и спешу назад в квартиру.

Хочу проведать Анну, прежде чем начну выслеживать ходячие туши, посмевшие посягнуть на мою сестру.

Когда я снова открываю дверь, то внезапно чувствую, как по спине бегут мурашки.

Не знаю, откуда они взялись. Все выглядит как прежде — рюкзак на том же месте в коридоре, рядом с ним брошены кеды. Из комнаты отца все так же доносится тихое бормотание телека — звук, который не затихает в нашей квартире никогда. Я даже вижу синее свечение из-под двери.

Но я больше не слышу звуков льющейся воды. И своей сестры. Надеюсь, это означает, что она дышит в своей комнате.

Вот что я ожидаю увидеть. Я ожидаю увидеть ее в кровати под одеялом. Хорошо бы спящей. И все же мне не по себе, когда я прохожу мимо ванной, чтобы проведать сестру.

Оттуда доносится слабый шум. Ровный звук каплюющей воды. Словно не до конца закрыт кран.

Дверь приоткрыта — косяк треснул, когда я пробивался внутрь в первый раз. Теперь она не закрывается до конца.

Я толкаю дверь, и яркий флуоресцентный свет на мгновение ослепляет мои глаза.

Моя сестра лежит в ванне и смотрит в потолок.

Ее широко распахнутые глаза не моргают. Они мертвы. Ее лицо бледнее мела. Одна рука свисает с бортика ванны. Длинная рана тянется от запястья до локтя, изогнутая в форме жуткой улыбки.

От ванны до самого края плитки пол залит кровью. Она подходит прямо к моим ступням. Если я сделаю хоть шаг внутрь, буду стоять в крови.

Этот факт словно парализует меня. Мне хочется подбежать к Анне, но я не могу идти по ее крови. Это глупо, безумно, но мне кажется, будто это потрясает ее. Пусть мне и ясно, что сестра мертва.

И все же нужно добраться до нее. Нужно закрыть ей глаза. Мне невыносимо видеть устремленный в потолок взгляд сестры. На лице Анны нет покоя — оно так же испуганно, как и раньше.

Я бросаюсь к ней, скользя на плитке. Мой желудок сводит, в груди пылает. Я нежно поднимаю руку сестры и опускаю в ванну. Ее кожа все еще теплая, и на секунду мне кажется, что надежда еще есть. Затем я вновь смотрю на ее лицо и понимаю, как это глупо. Я закрываю ей глаза.

Затем иду в комнату Анны. Нахожу ее любимый плед — с нарисованными на нем месяцами и звездами. Возвращаюсь в ванную и накрываю им тело. В ванне плед намокает, но это неважно — я просто хочу укрыть сестру, чтобы никто больше не мог на нее посмотреть. Никогда.

Затем я возвращаюсь в свою комнату. Сажу на полу возле пустого ящика, который не вернул на место под половицу.

Ощущение вины и сожаления невыносимо. Я буквально не могу их вынести — они разрывают мою плоть, кусок за куском, и скоро от меня не останется ничего, кроме голого скелета — ни мышц, ни нервов, ни сердца.

Того сердца, которое прямо сейчас каменеет внутри меня. Когда я увидел Анну, оно стучало